

Больше, чем консерватизм: историко-политические основания российской государственности

More than Conservatism: Historical and Political Foundations of Russian Statehood

DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-27-37

УДК 323.2

Получено: 09.02.2023

Одобрено: 28.02.2023

Опубликовано: 25.03.2023

Полосин А.В.

Д-р полит. наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель проекта «ДНК России».

e-mail: apolosin@gmail.com

Polosin A.V.

Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, scientific director of the «DNA of Russia» project.

e-mail: apolosin@gmail.com

Аннотация

В статье *рассматривается* проблематика несовершенства существующих представлений об историко-политических основаниях российской государственности. *Целью* работы является обновление сложившегося академического дискурса, направленное на цельное и системное отражение отечественной социально-политической мысли, и презентация неортодоксального прочтения интеллектуально-философского фундамента российской политики. Несмотря на то, что наиболее распространенным для соответствующих исследований является фокус на консервативной политической философии, автор полагает необходимым выйти за пределы этой позиции и обратиться к более системному и комплексному пониманию ключевых позиций российского мировоззрения. Для этого необходимо обращение к недооцениваемым, подчас даже игнорируемым концепциям коммунитаризма, солидаризма и русского космизма, раскрывающегося в рамках цивилизационного подхода. Основной *вывод* работы заключается в том, что рассматриваемые в совокупности и развитии эти три концепции воплощают значимые для российской цивилизации ценностные константы общинности, соборности, согласия и солидарности, а также подчеркивают глобальную укорененность российского мировоззрения при самобытном характере прочтения и интерпретации идеологических ориентиров ведущих течений социально-политической мысли. Автор полагает крайне важным учитывать эти обстоятельства при работе с актуальным общественным мнением и начавшимся процессом реформирования научно-образовательного сектора. Также подчеркивается необходимость оптимизации методологической работы в рамках исследования социально-политической мысли – через осознание индоктринированности социальных наук и их категориально-понятийного аппарата, понимание естественной динамики цивилизационного развития и невозможности догматического сведения многоукладных и многонациональных культур к упрощенной формальной доктрине.

Ключевые слова: мировоззрение, социально-политическая мысль, российская цивилизация, консерватизм, коммунитаризм, русский космизм, солидаризм.

Abstract

The paper is dedicated to the problem of updating existing ideas about the historical and political foundations of Russian statehood. The main goal of the paper is to update the existing academic discourse, aimed at complex and systematic reflection of Russian political thought, and the presentation of an unorthodox reading of the intellectual and philosophical foundation of Russian politics. Regardless contemporary focus on conservative political philosophy is the most common for such studies, the author believes it is necessary to go beyond this position and turn to a more systematic and comprehensive understanding of the key positions of the Russian worldview. For this, it is necessary to turn to the underestimated, sometimes even ignored concepts of communitarianism, solidarism and Russian cosmism, which should be revealed within the framework of a civilizational approach. The main conclusion of the work is that, considered as a developing system, these concepts embody the value constants of community, sobornost' (catholicity), harmony and solidarity that are significant for Russian civilization, and also emphasize the global rootedness of the Russian worldview with simultaneous original understanding and interpreting the ideological guidelines of the leading trends in social political thought. The author believes it is extremely important to take into account these circumstances dealing with current public opinion and the process of reforming the scientific and educational sector that has begun in Russia. It also emphasizes the need to optimize methodological work during the study of political thought - through the awareness of the indoctrination of contemporary social sciences and their conceptual apparatus, clear understanding the natural dynamics of civilizational development and the impossibility of dogmatically reducing multiform and multinational cultures to a simplified formal doctrine.

Keywords: worldview, socio-political thought, Russian civilization, conservatism, communitarianism, Russian cosmism, solidarism.

Введение

На фоне стремительной актуализации политических вопросов, связанных с эффективностью государственной вовлеченности в процессы социализации, формирования мировоззрения граждан и групповой (коллективной) идентичности, важнейшим направлением исследовательской работы становится проблемное поле историко-политических оснований современной российской государственности. Совершенствовать политическое управление за счет авантюрного технологического проектирования, ставящего перед собой задачу «изобретения» или «конструирования» представлений граждан о самих себе, категорически нежелательно и, по всей видимости, невозможно; напротив, для результативной и осмысленной государственной политики в этой сфере необходимо проанализировать и осмыслить тот исторический опыт, который до сих пор влияет на принятие людьми соответствующих решений, необходимо определить и проработать наличествующий в современном общественном процессе культурный и историко-политический фундамент.

На протяжении нескольких постсоветских десятилетий это направление находилось в двусмысленном, а потому уязвимом положении. С одной стороны, заниматься подобными вопросами стало существенно легче – в лету канули прежние ограничения и строгие условия допуска к передовым исследованиям в области социальных наук, были изданы, переведены, изучены и обработаны важнейшие труды и источники. С другой стороны, материальные (как, впрочем, и статусные) условия, сопровождавшие эту «возвращенную» свободу, существенно отличались от предшествовавших десятилетий – и только в худшую сторону; исчезновение «партийной линии» в историко-политических вопросах вылилось и в стремительное сокращение финансирования исследований и необходимых концептуализаций.

Это привело к тому, что исследования общественной мысли и историко-политических оснований оказались связаны скорее с деятельностью различных групп энтузиастов и «подвижников», нежели с системным и стратегическим обращением к этому проблемному полю в рамках государственного задания. Часть таких групп (при несомненной значимости деятельности их участников для развития российской науки и сохранения ее достижений) неминуемо оказывалась политически ангажированной и представлявшей российскую

политическую культуру скорее односторонне (чаще всего с жестко консервативной или традиционалистской стороны); другая часть и вовсе существенно редуцировала или даже искажила содержание рассматриваемых идейных концепций и течений. К примеру, коммунитаризм в российских реалиях внезапно оказался присвоенным структурами наподобие «Института высокого коммунитаризма», сочетающего конспирологические теории заговора с откровенно юдофобской повесткой, а цивилизационный подход оказался настолько сведенным к бесконечной эксплуатации «Великой шахматной доски», что его конструктивное политико-философское содержание превратилось в выхолощенное пространство публицистических деклараций.

Небезынтересно отметить и то, что часть интеллектуального «пантеона» русской мысли даже в условиях «возвращения» в пространство активного обсуждения по-прежнему осталась в плену специфически инертного постсоветского прочтения с его не всегда обоснованным критическим фокусом. Да, в России были изданы работы Герцена и Чаадаева, Флоренского, Булгакова и Борового, а их концепции были включены в программу дисциплин, посвященных истории социально-политической мысли, - но в целом среди множества фигур, регулярно приковывающих внимание в рамках исследования отечественной интеллектуальной традиции, в последние десятилетия очевидной оказалась концентрация на «консервативных» фигурах (при всей размытости и неоднозначности самого термина «консерватизм»).

Ильин и Тихомиров, Погодин и Аксаков, Катков и Победоносцев – этот весьма своеобразный пул мыслителей регулярно упоминается как в научных публикациях, так и в выступлениях различных государственных деятелей. Достаточно часто это приводит к тому, что в суждениях «ангажированных интеллектуалов» [13] российская политическая традиция становится целиком и полностью консервативной, что совершенно не объясняет того, каким образом подобная мысль дала «побочные всходы» в виде выдающегося социалистического и, в еще большей степени, анархистского течения. На наш взгляд, это хорошо иллюстрирует характерные особенности современного обращения к историко-политическим основаниям российской государственности, которые мы можем изложить в трех связанных замечаниях.

Методологические аспекты

Во-первых, необходимо констатировать очевидную индоктринированность социально-политических исследований и даже их категориально-понятийного аппарата; это не означает фундаментальной несостоятельности общественных наук, как полагают их малообразованные критики, - но существенно осложняет научно-исследовательскую деятельность, образовательную работу и, в особенности, воспитательную составляющую последней. Для преодоления или, хотя бы, обуздания подобной индоктринированности необходимо формировать у исследователей как навыки критического мышления и рефлексивной эпистемологии [9; 26], так и детально прорабатывать методологическую составляющую изучения самих историко-политических оснований государственности, включая ее цивилизационные черты.

Во-вторых, динамичное восприятие исторического процесса приводит нас к ориентации на то, что при всем внимании к мотивам преемственности, традиционности и ценностных констант, связывающих воедино различные периоды существования российского государства, необходимо рассматривать развитие страны как процесс значительной изменчивости и постоянно стабилизирующей адаптации. Такое понимание неизбежно приведет к более сложной (и, при этом, концептуально более выверенной) картине «тысячелетней» истории страны и к более внимательному отношению к анахроническим ловушкам и необходимости специфической интерпретации и контекстуального прочтения отдельных периодов такой истории. Иными словами, российская цивилизация не столько существует тысячу лет (в особенности не существует в неизменном виде, как предполагают адепты примордиалистско-эссенциальной позиции), сколько формируется, меняется и развивается на протяжении тысячи лет; миллениум – не статичная позиция российской культуры, а дорога, по которой страна продолжает идти.

В-третьих, даже по завершении обстоятельных и системных исследований историко-политических оснований российской государственности невозможно сформулировать однозначные и, по сути своей, догматические формулировки, установки и параметры таких оснований. Результатом научных исследований в этой области неизбежно будет скорее «семантическое облако» понятий, тезисов и положений; внутри этого «облака» будет сохраняться достаточная степень вариативности, необходимая для сохранения и воспроизводства академических дискуссий, а также развития научных исследований. Прошлое российской государственности, как и его настоящее, характеризуется сложностью, многоукладностью и полицентричностью (каким бы ни был уровень концентрации административных полномочий в центре).

Критический трамплин

Интересной, необычной и своеобразной точкой отсчета для исследования историко-политических оснований российской государственности и связанной с ней философской традиции могут стать два мыслителя, отнюдь не относящиеся к консервативному мейнстриму, но зато более чем наглядно иллюстрирующих особенности эволюции идейного мировоззрения. Это Александр Герцен и Пётр Чаадаев.

Мотивом, объединяющим творчество двух этих авторов, является не только обличительный пафос в отношении современной им государственной конфигурации николаевской России, но и – на более позднем этапе биографии – схожие рассуждения об особенностях исторического пути страны и его оторванности, дивергенции от [общеевропейской траектории. Поначалу эта оторванность воспринималась обоими авторами в негативном ключе, символизируя отсталость и периферийность России; позже, однако, этот тезис превратился скорее в конфигурацию «России как путеводной звезды». *«У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество»,* - пишет Чаадаев в «Апологии сумасшедшего» и продолжает, - *«мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества»* [24]. Герцен же указывает: *«я не вижу причин, почему Россия должна непременно претерпеть все фазы европейского развития, не вижу я также, почему цивилизация будущего должна неизменно подчиняться тем же условиям существования, что и цивилизация прошлого»* [5, с. 205]; *«Я показал высокомерному невежеству наших соседей, что в русском народе есть зародыши будущего»,* - пишет он редактору «Kölnische Zeitung» [6, с. 216]. Дискурс русского социализма у Герцена становится будущим не только страны, но и всей Европы; от своей «детско-либеральной» веры в Европу мыслитель, в конечном счете, перейдет к тезисам о том, что молодые общества придут на смену разлагающемуся «Старому Свету». *«Я ничего не пророчу, но я и не думаю также, что судьбы человечества и его будущее привязаны, пригвождены к Западной Европе»* [5, с. 190], - пишет Герцен, но Чаадаев до него рассуждает еще объемнее: *«Мир искони делился на две части – Восток и Запад (...) но вот появляется новая школа. Больше не нужно Запада (...) Предоставленные самим себе, нашему светлomu уму, плодотворному началу, скрытому в недрах нашей мощной природы, и особенно нашей святой вере, мы скоро опередили бы все эти народы, преданные заблуждению и лжи (...)»* [24].

Таким образом, у двух философов, известных, в первую очередь, своей критикой самодержавия, можно обнаружить два фундаментальных тезиса о судьбе и миссии (если не предназначении) России: первый из них касается «особого пути»¹ страны, отличающего ее от других государств и наций, а второй – о прогрессивной и благотворной роли России для общеконтинентального и общемирового развития. Однако в историко-политических основаниях российской государственности мы должны выделить дополнительные позиции,

---

¹ При всей неоднозначности этого выражения как устоявшегося термина, имеющего весьма специфическое (и, с научной точки зрения, безусловно одиозное) прочтение.

существенно уточняющие и корректирующие распространенные сегодня представления об их «консервативном» характере. Эти позиции мы можем определить как «триаду» солидаризма, коммунитаризма и цивилизационного подхода, выражающегося не только в консервативных установках, но и в интеллектуальном течении русского космизма.

«Триада» и консерватизм

Прежде чем приступить к содержательному представлению той роли, которую «триада» обозначенных направлений мысли играет в интеллектуальном пространстве российской цивилизации, нужно отметить, что недооценивать ее консервативный фундамент некорректно и даже невозможно. Главный тезис, связанный с этим фундаментом, заключается в констатации того, что для России важно не механическое следование традиции и не слепое копирование чужих образцов, а логичное и исторически обусловленное развитие собственных ценностей и нравственных сил. При этом концептуальные построения как консервативной мысли, так и мировоззренческих треков «триады» нередко подчеркивают тезис о цивилизационной самости многонациональной российской культуры, которая вследствие этого обстоятельства и способна к отстраиванию от социально-политических трендов своих соседей и независимому определению параметров ценностного и интеллектуального развития. Многоукладный характер российской повседневности, огромные размеры освоенной территории, наднациональная конфигурация политической элиты – все это, отражаясь и выражаясь в цивилизационной самобытности, подталкивает к постепенной эволюции российских ценностных ориентиров от полюса сохранения к полюсу прогресса и пути развития всего человечества.

Философ Николай Страхов так формулирует это положение: *«Все дело в том и состоит, чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все развивать из того, что есть, и не разрушая того, что есть»* [20, с. 285]. Актуализируя это замечание в современных условиях, профессор А.А. Ширинянец указывает на два следствия из страховской установки: «истинный» консерватизм *«исключает возможность отрицания существующего общественного строя»* и *«не приемлет реакционных порывов и вождельений, направленных на возрождение прошлого»* [25, с. 101]. Последнее из следствий подталкивает Ширинянца к мысли о том, что российским реалиям больше подходит термин «хранительство», нежели «консерватизм», поскольку многие отечественные мыслители указывали на чужеродность дихотомии «либерализм/консерватизм» для российской политической жизни. Так, Владимир Соловьев предостерегал об угрозе *«ходячего консерватизма, который стремится заменить живые плоды духа искусственными консервами»*, отталкиваясь от представления о «старом» как «поконченном» и поклонении этому старому «как внешнему предмету» [19, с. 459]. *«Если речь идет о государстве, которого мы граждане, о народе, которого мы дети, о деле, которому мы служим, об общем интересе, которому мы призваны способствовать, то вопрос отнюдь не в том, либералы мы или консерваторы; весь вопрос в том, хорошо ли мы служим, полезна ли принимаемая или предлагаемая нами мера делу нашего служения, а не в том, либерального ли она пошиба или консервативного»* [12], - разоблачал искусственность приевшихся дихотомий Михаил Катков, обоснованно считающийся одной из ключевых фигур как раз таки консерватизма. Можно сказать, что в идее консерватизма как отстаивания и сохранения определенного порядка фокус делается именно на последнем слове, хотя в обывательском представлении консерватор часто отождествляется с ревнителем конъюнктурной «определенности» [8]. Сбережение «порядка» в целом важнее, чем ценность порядка конкретного; это объясняет и то, каким образом консервативные идеи могут работать в условиях отсутствия стабильного порядка, заслуживающего апологии, и то, каким образом консерватизм превращается в критическое и временами даже оппозиционное направление мысли.

Следующая, а отчасти и вытекающая² из консервативно-цивилизационных предпосылок «триада» историко-политических оснований российской государственности прочно связана с факторами коллективизма и общинности социально-политической жизни. Как указывает Б.Н. Миронов, *«с самого начала государственной жизни России самоуправляющиеся общины, объединяющие крестьян (...), а также жителей города в общественный союз во имя интересов общего блага, на основе общности территории и коллективного владения землей составляли неотъемлемую и необходимую часть общественного строя страны (...) для этих двух разрядов населения община была основной социальной группой»* [15]. Именно этой исторической «колеей», вероятно, и можно объяснить высокое значение коллективистских концепций – таких, как солидаризм, коммунитаризм и космизм, - для осмысления политической организации общества и государства.

Концептуально разработанный французскими теоретиками солидаризм представляет собой течение мысли, связанное с провозглашением особой ценности таких принципов социальной организации, как консолидация и консенсус (в противовес, соответственно, конфликту и конкуренции). Георгий Гинс, справедливо обозначаемый как «основоположник российского солидаризма» [1], определял последний как *«учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами и координации расходящихся интересов с государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами»* [18, с. 118]. Таким образом, солидаризм был одной из попыток найти компромиссное решение между крайностями индивидуализма и этатизма.

В силу этого А.Н. Окара справедливо отмечает, что солидаризм имеет глубокие корни в российской социально-политической мысли. *«Можно даже сказать, - пишет Окара, - что солидаризм - это “мейнстрим” русской философской мысли, но принципиально чужеродное явление для российской власти»* [16]. Действительно, в России солидаризм обрел новые оттенки и смыслы – все тот же Гинс отмечал, к примеру, высокое значение разработок своего коллеги Льва Петражицкого для популяризации неортодоксального и, во многом, солидаристского мышления. Критически оценивая традицию правовой субъектности «суверена», Петражицкий указывал на значимость для права этических и, шире, плюралистических начал: внешнее принуждение государства было куда менее значимым признаком права, чем психологические обязательства, добровольно принимаемые людьми [10]. Это вполне соответствует солидаристской посылке позитивного стремления индивидов мирно согласовывать свои интересы, в особенности через правовые формы общежития и установление конвенциональных равнодействующих собственного поведения [17]. Впрочем, солидаристскую повестку вполне можно обнаружить и в трудах классиков отечественной мысли; к примеру, Алексей Хомяков в работе «По поводу Гумбольдта» отмечал: *«Надобно, чтобы жизнь каждого была в полном согласии с жизнью всех, чтобы не было раздвоения ни в лицах, ни в обществе. Частное мышление может быть сильно и плодотворно только при сильном развитии мышления общего»* [23, с. 174].

Богатые политико-философские корни имеет и отечественный коммунитаризм, пусть и серьезно дискредитированный в последние десятилетия деятельностью весьма одиозных «институтов». *«Коммюнитарность всегда свободна, коллективизм всегда принудителен»* [2, с. 83], - еще в 1951 году, задолго до публикаций Макинтайра и Этциони, проведет четкое различие между разными проявлениями социального взаимодействия Николай Бердяев, и продолжит: *«Коллективизм не хочет знать живого отношения человека к человеку, он знает лишь отношение человека к обществу, к коллективу, который уже определяет отношение человека к человеку. Коллективизм не знает ближнего, (...) он есть соединение дальних. Коллективизм носит антиперсоналистический характер, он не знает ценности личности.»*

---

² Мы полагаем важным такое замечание как минимум по причине исторически значимой роли общины в организации российской социально-политической жизни; в отличие от других государств, к примеру, США, где консерватизм вполне смыкается с индивидуализмом, в России консервативное начало органически связано с установками общинности и коллективного сосуществования.

Коммюнитарность же персоналистична, есть общность и общинность личностей» [2, с. 107].

Коммунитаризм как направление мысли действительно связан с решением задач, смежных с солидаристскими, т.е. с обнаружением своеобразной «золотой середины» между индивидуалистичным и социальным началами человеческого общежития. И для Владимира Соловьева, и для Николая Бердяева, и для Ивана Ильина это один из ключевых вопросов; для них одинаково враждебны и эгоизм, и принудительно-эгалитарная «уравниловка», и оправданная «ложной мистикой» тирания, и бессовестный, механически-рациональный вещизм. *«Коллективизм всегда утверждается через насилие над человеческой личностью. Коммюнитарность и соборность всегда признают ценность личности и свободу»*, - пишет Бердяев, обозначая равноценное уважение русского коммунитаризма как к личности, так и к соборности, основанной на братском, любовном сотрудничестве, а не объективации коллектива.

К российским коммунитаристам также можно отнести Льва Карсавина и Сергея Гессена. Рассуждая о земных обстоятельствах государственности и национальности, Карсавин отмечает, что никакое человеческое единство нельзя мыслить как «безразличное», которое можно построить, перемалывая и перетирая людей «в однородные атомы» [11, с. 104], - напротив, для существования и развития человечества «необходимы существование и развитие составляющих его личностей во всем их индивидуальном своеобразии» [11, с. 104]. Отталкиваясь от православной, восточной традиции христианства, Карсавин указывает на то, что вдохновленное церковной соборностью общественное действие, «совершаясь во всех, в каждом совершается по-особому, соответственно его индивидуальности», и при том является «действием всех, т.е. предполагает согласованность и согласие всех» [11, с. 105].

Как указывает Ю.Б. Мелих [14], Сергей Гессен, будучи и философом, и правоведом, вплетает политико-религиозные мотивы, свойственные русской мысли, в правовые материи, в том числе в рассуждения о необходимом расширении устоявшихся либеральных принципов. Современные Гессену концепции он сам считал глубоко несовершенными и односторонними и выступал в поддержку «широкой идеи права», когда индивиды и их союзы будут стимулированы к максимально ответственному «взаимному содействию и сотрудничеству» [22, с. 394]. Только через необходимое расширение имеющегося порядка возможен переход к положению, когда «свобода откроется (...) как растущая сила творческой активности, Личность – как движение к сверхличным, объективным началам жизни, Равенство – как равноценность незаменимых в своем Различии личностей и Собственность – как служение Общности» [7, с. 119].

Наконец, русский космизм, при всей неоднозначности его репутации в академическом сообществе, отражает такие мировоззренческие основания, как «преображение межчеловеческих связей на принципах родства и любви», «освоение космического пространства», «сопричастность» и, конечно же, «всеединство» [4]. Несмотря на значительный уклон многих космистов в религиозное визионерство и откровенно оккультный мистицизм, взгляды наиболее зрелых из представителей этого направления (Владимир Вернадский, Семен Франк) представляли собой небезынтересную реакцию на доминирование «научного управления», рационализма и механистичных представлений о человеческой природе. Эта реакция, пусть и будучи условно разделенной на «естественнонаучную» и «религиозно-философскую» ветви, включала в себя мотив выхода человека и человечества за пределы известного социально-экономического уклада и мотив всеединства как коллективной солидарности. «Русское рассмотрение человеческого духа, - писал Семен Франк в работе «Русское мировоззрение», - выступило как религиозная этика коллективного человечества, - (...) В противоположность западному, русское мировоззрение содержит в себе ярко выраженную философию «МЫ» или «МЫ-философию» [21, с. 159]. Владимир Вернадский прописывает схожую мысль с обращением к природно-географическим реалиям России: «Мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории. Новое государство приближается по своему укладу к тому будущему, к которому мы все

стремимся, к мирному мировому сожителству народов. Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами сохраняться, как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества» [3]. Всемирно известный ученый с огромными познаниями, Вернадский не видел противоречия между философским предназначением российской цивилизации и естественным прогрессом человеческой и планетарной природы, и это отражает один из наиболее значимых пунктов в содержании русского космизма как историко-политического основания общественной жизни.

Заключение

Особенности современной политической ситуации – обострение существующих международных конфликтов и глобальных проблем, предчувствие эскалации социальной напряженности, связанной с кризисными явлениями в экономике и отложенными эффектами пороков развития последних десятилетий, – знаменуют необходимость усиления и оптимизации исследований в области общественных наук. Без четкого понимания того историко-политического и интеллектуально-философского фундамента, на базе которого развиваются страны и регионы, нации и, тем более, цивилизации, невозможно принятие эффективных решений и выработка результативной государственной политики в сфере культуры, образования и социальной политики.

В случае, если российское мировоззрение будет и впредь отталкиваться от редуцированного и упрощенного понимания собственных историко-политических оснований и ценностных констант, это грозит усугублением имеющихся социальных проблем и увеличением имеющихся (и появлением новых) общественных расколов. Более того, попытка развивать академическую сферу посредством краткосрочно удобного обращения к подобным догматическим конструкциям в дальнейшем неминуемо приведет к системному провалу подобной деятельности и опасной эрозии так нелегко сформировавшейся в России образовательной системы.

Поэтому для продолжения мировоззренческих исследований крайне важно учесть историко-политические основания российской государственности, которые включают не только консервативные начала, но и другие органически свойственные отечественной культуре концепции, разработанные российскими мыслителями не в отрыве, а в неразрывном единстве с развитием мировой политической философии. Речь, в первую очередь, о представленной в настоящей статье «триаде» солидаризма, коммунитаризма и цивилизационного подхода, но, возможно, и в других идейных началах, таких, как русский либерализм и даже анархизм. Именно обращение к подобным опорам, раскрывающее многоукладный и полицентричный характер российской цивилизационной культуры, позволит актуализировать категориально-понятийный аппарат отечественных общественных наук, развить соответствующие научные школы и улучшить межпоколенческий ценностный диалог в пределах академического сообщества.

Литература

1. *Алексеев Д.Ю.* Г.К. Гинс – основоположник российского солидаризма //Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. - 2009. - №2. - С. 91-98.
2. *Бердяев Н.А.* Царство духа и царство кесаря. – Париж: YMCA Press, 1951. 166 с.
3. *Вернадский В.И.* Задачи науки в связи с государственной политикой в России //Избранные труды. - М.: РОССПЭН, 2010. - С. 394-395.
4. *Гачева А.Г.* Русский космизм в идеях и лицах. - М.: Академический проект, 2019. - 431 с.
5. *Герцен А.И.* La Russie - Россия //Собрание сочинений: В 30 томах. - М.: АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 1954-1966. – Т. 6. - С. 187-224.
6. *Герцен А.И.* Письмо к редактору "Kölnische Zeitung" // Собрание сочинений: В 30 томах. - М.: АН СССР. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, 1954-1966. - Т. 12. – С. 216.

7. Гессен С.И. Правовое государство и социализм //Гессен С.И. Избранное. - М.: РОССПЭН, 2010. 496 с.
8. Гуторов В.А. К вопросу о теоретических трансформациях современного консерватизма //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. – Т.10. - №1. – С. 144-177.
9. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. - М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. 320 с.
10. Зотов А.А. Социальные особенности психологической теории права Л.И. Петражицкого //Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 113-12.
11. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея – СПб: Academia, 1922. 80 с.
12. Катков М.Н. Что нужно для борьбы с крамолой // Московские ведомости. 1879. № 297, 20 ноября. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_chno_nujno.html (дата обращения: 30.01.2023).
13. Матвеев И.А. По ту сторону «чистой науки» и философского созерцания //Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. №1. С. 24–33.
14. Мелих Ю.Б. Расширение либерализма коллективизмом у С. И. Гессена //Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. - 2020. - Т. 36. - Вып. 1. - С. 35–48.
15. Миронов Б.Н. Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства //Acta Slavica Iaponica. 1998, 16, - P. 158-180.
16. Окара А.Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта // Идеология и философия солидаризма. - М.: Директ Медиа, 2010. - С. 7-42.
17. Пряжников К.С. Идеологии «третьего пути» и государство «солидаризма» 1930-х годов в работах русского солидариста Г.К. Гинса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. - 2009. - №3. – С. 130-135.
18. Сендеров В.А. Портрет солидаризма. Идеи и люди. - М.: Посев, 2007. 320 с.
19. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия //Собрание сочинений. - СПб: «Просвещение», 1914. - Т. 8. – С. 3-518.
20. Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма, 1861-1865. - СПб.: тип. брат. Пантелеевых, 1890. – XII, 596 с.
21. Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб: Наука, 1996. 736 с.
22. Фролова Е.А. С.И. Гессен как философ права //Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков: материалы XIX Международной научной конференции, Иваново, 25–26 марта 2020 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2020. – С. 391-395.
23. Хомяков А.С. По поводу Гумбольдта //Полное собрание сочинений. – М.: Университетская типография, 1900. - Т. 1. - С.148-174.
24. Чаадаев П.Я. Философические письма. - М.: Эксмо, 2006. 544 с.
25. Шириняню А.А. К вопросу о консервативной терминологии в истории российской политической мысли //Вестник Поволжского института управления. 2016. №6 (57). - С. 96-102.
26. Gergen K.J. Realities and relationships: Soundings in social construction. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.- 356 p.

References

1. Alekseev D.Yu. G.K. Gins – osnovopolozhnik rossiyskogo solidarizma [G.K. Gins – the founding father of Russian solidarism], *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 2009, I. 2, pp. 91-98. (In Russian).
2. Berdyaev N.A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [Realm of the Spirit, and the Kingdom of Caesar]. Paris, YMCA Press Publ., 1951. 166 p. (In Russian).
3. Vernadskiy V.I. *Zadachi nauki v svyazi s gosudarstvennoy politikoy v Rossii* [The Tasks of Science in connection with Public Policy in Russia], *Izbrannye trudy*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 394-395. (In Russian).

4. Gacheva A.G. *Russkiy kosmizm v ideyakh i litsakh* [Russian Cosmism in Ideas and Personalities]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019, 431 p. (In Russian).
5. Gertsen A.I. *La Russie – Rossiya*, Sobranie sochineniy: v 30 tomakh, M., AS USSR Publ., 1954-1966, V. 6., pp.187-224. (In Russian).
6. Gertsen A.I. *Pis'mo k redaktoru "Kölnische Zeitung"* [Letter to the Editor of "Kölnische Zeitung"], Sobranie sochineniy: V 30 tomakh, M., AS USSR Publ., 1954-1966, V. 12, p.216. (In Russian).
7. Gessen S.I. *Pravovoe gosudarstvo i sotsializm* [Legal State and Socialism], Izbrannoe / S. I. Gessen, M., ROSSPEN Publ., 2010, 496 p. (In Russian).
8. Gutorov V.A. K voprosu o teoreticheskikh transformatsiyakh sovremennogo konservatizma [To The Question Of Theoretical Transformations Of Modern Conservatism], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEKS], 2014, V. 10, I. 1, pp. 144-177. (In Russian).
9. Dzolo D. *Demokratiya i slozhnost': realisticheskii podkhod* [Democracy and Complexity: A Realist Approach]. M., SU HSE Publ., 2010, 320 p. (In Russian).
10. Zotov A.A. Sotsial'nye osobennosti psikhologicheskoy teorii prava L.I. Petrazhitskogo [Social Features in Leon Petrazhitzky's Psychological Theory of Law], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, I. 5, pp. 113-121. (In Russian).
11. Karsavin L.P. *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West and Russian Idea]. SPb, Academia Publ., 1922. 80 p. (In Russian).
12. Katkov M.N. *Chto nuzhno dlya bor'by s kramoloy* [What Do We Need to Deal with Sedition] *Moskovskie vedomosti*. 1879. I. 297, 20 noyabrya. Available at: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_chto_nujno.html (Accessed 30.01.2023) (In Russian).
13. Matveev I.A. Po tu storonu «chistoy nauki» i filosofskogo sozertsaniya [Beyond «pure science» and philosophic contemplation], *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2013, V. 12, I. 1, pp. 24–33 (In Russian).
14. Melikh Yu.B. Rasshirenie liberalizma kollektivizmom u S. I. Gessena [The extension of liberalism by collectivism in S.I. Hessen], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 2020, V. 36, I. 1, pp. 35–48. (In Russian).
15. Mironov B.N. Glavnye sotsial'nye organizatsii krest'yanstva, gorodskogo sosloviya i dvoryanstva, *Acta Slavica Iaponica*, 1998, 16, pp. 158-180. (In Russian).
16. Okara A.N. *Sotsial'naya solidarnost' kak osnova novogo «mirostroytel'nogo» proekta* [Social solidarity as the basis of a new “Peacebuilding” Project], *Ideologiya i filosofiya solidarizma* [Ideology and Philosophy of Solidarism]. M., Direct Media Publ., 2010, pp. 7-42. (In Russian).
17. Pryazhnikov K.S. Ideologii «tret'ego puti» i gosudarstvo «solidarizma» 1930-kh godov v rabotakh russkogo solidarista G.K. Ginsa [The Ideologies of the “Third Way” and Prospect of Solidarist State in period Of 1930-s in Gins Law And Political Theory], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin MSRU serie 'History and Political Science'], 2009, I. 3, pp. 130-135. (In Russian).
18. Senderov V.A. *Portret solidarizma. Idei i lyudi* [The Portrait of Solidarism. Ideas & People]. M., Posev Publ., 2007, 320 p. (In Russian).
19. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya* [The Justification of the Good: an Essay on Moral Philosophy], Sobranie sochineniy, V 8, pp. 3-518. SPb., Prosveshchenie Publ, 1914. (In Russian).
20. Strakhov N.N. *Iz istorii literaturnogo nihilizma, 1861-1865* [From the History of Literary Nihilism]. SPb. Panteleevykh Bros Publ., 1890, XII, 596 p. (In Russian).
21. Frank S.L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian Worldview], SPb, Nauka Publ., 1996. 736 p. (In Russian).
22. Frolova E.A. *S.I. Gessen kak filosof prava* [Gessen As a Law Philosopher], Gosudarstvo, obshchestvo, Tserkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov : materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [State, Society, Church in Russian History XX-XXI cc.: materials of XIX International Scientific Conference], Ivanovo, Ivanovo University Press, 2020, pp. 391-395. (In Russian).

23. Khomyakov A.S. *Po povodu Gumbol'dta* [Regarding Humboldt], Polnoe sobranie sochineniy. V. 1, pp.148-174, M., "University Publ.", 1900. (In Russian).
24. Chaadaev P.Ya. *Filosoficheskie pis'ma* [Philosophical Letters]. M., Eksmo Publ., 2006, 544 p. (In Russian).
25. Shirinyants A.A. K voprosu o konservativnoy terminologii v istorii rossiyskoy politicheskoy mysli [To the Issue of The Conservative Terminology in the History of Russian Political Thought], *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2016, I. 6 (57), pp. 96-102. (In Russian).
26. Gergen K.J. *Realities and relationships: Soundings in social construction*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994, 356 p.